

Н. К. Михайловский

<О Ф. М. Решетникове>

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)OCR [Бычков М. Н.](#)

Решетникову в нашей литературе выпала довольно странная судьба. Критики самых противоположных направлений занимались им часто и охотно, но масса публики с начала и до конца его деятельности относилась к нему, сравнительно говоря, равнодушно. Причина этого внимания критики и этого равнодушия публики заключается в сущности самого таланта Решетникова. Это талант тщательного и точного наблюдателя, а не талант художника. У Решетникова нет того умения группировать факты, которое составляет первый признак художественности, умения связывать эти факты путем органического соподчинения, а не механического сопоставления только. Его повести -- своего рода литературные панорамы. Это ряд картин одинакового содержания, но друг от друга независимых, не объясняющих и не дополняющих, а только повторяющих друг друга. Каждая из этих картин представляет собою благодарный материал для исследования, для размышления, но к каким бы выводам вы ни пришли, сам автор тут ни при чем: он не влиял на вас ни в каком смысле и не несет никакой ответственности. Решетников в идейном отношении обыкновенно не поднимается выше каких-нибудь совершенно элементарных общих положений, вроде того, например, что "подлиповцев нельзя винить ни в чем" (8). Для критики это не представляет неудобств: критика на то и критика, чтобы рассуждать о фактах самостоятельно, не ожидая и не требуя от автора помощи. Требования читателя, а русского читателя по преимуществу, совсем иные. Он ищет вывода, ждет поучения. В отношении *знания* предмета компетентность автора для читателя очевидна, в отношении *понимания* -- читатель не согласится признать его авторитет, на который, впрочем, автор несколько и не претендует. Несмотря на всю простоту и несложность обычных тем Решетникова, мало вообще писателей, которые бы более его нуждались в критических комментариях и разъяснениях.

Все это, однако же, отнюдь не значит, что Решетников относится к предмету своего изучения с бесстрашием и безучастностью натуралиста. Правда, он нигде не говорит о своей любви к народу, не впадает ни в лиризм, ни в пафос, не сочиняет никаких "жалких слов", но ведь истинное и сильное чувство всегда почти выражается в простых и даже грубоватых формах. Решетников любит народ просто потому, что любит его, любит стихийно, органически, почти бессознательно. Его любовь -- та самая "странная любовь", которую воспел Лермонтов и которую действительно "не победит рассудок"¹. В этом отношении Решетников в ряду других народных бытописателей наших занимает совершенно самостоятельное место. Они эти бытописатели, в огромном большинстве, любят народ лишь постольку, поскольку находят в нем отражение своих идеалов, и любят лишь до тех пор, пока находят между этими идеалами и народною жизнью известную степень соответствия. Они любят в народе не его самого, а свою собственную идею, выработанную среди культурных условий, под их влиянием и с их помощью. Это не сердечная, а, если можно так выразиться, принципиальная, головная любовь, для которой народ не сам по себе цель, а только средство. Не то мы видим у Решетникова. По всей вероятности и даже несомненно, пища своих "Подлиповцев", он не имел за душою ровно никаких положительных теоретических идеалов. Ряд пожеланий отрицательного свойства -- это, вероятно, все, что мог бы представить Решетников на вопросы читателя: как же быть с "подлиповцами"? чем им помочь? и каковы должны быть те формы жизни, при которых бы "поколения людей" не прозябали "бессмысленней зверей"? Кабы не били подлиповцев, не разоряли, не притесняли -- "баско"² было бы; дальше этого Решетников не идет, как не идут дальше этих желаний и сами подлиповцы. Отсутствие теоретического развития или, вернее сказать, отсутствие тех умственных привычек, которые неизбежны в каждом культурном человеке, составляет слабость Решетникова как художника, как литератора и вместе с тем его силу как народного бытописателя. Он смотрит на народ не с высоты своих идеалов и не под углом той или другой доктрины -- так можно смотреть на предмет, отделивши себя от него, отойдя на известное расстояние. А Решетников не с фиктивным, как Левин графа Толстого, а с действительным правом может сказать о себе: "Я сам народ". "Подлиповцы" (при нашей характеристике мы имеем в виду главным образом это первое по времени и первое по достоинствам произведение Решетникова) -- это